

Катков Михаил Никифорович

Наша учебная реформа

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
М69

М69 **Михаил Никифорович К.**
Наша учебная реформа / Катков Михаил Никифорович – М.: Книга по Требованию, 2025. – 184 с.

ISBN 978-5-519-88649-9

ISBN 978-5-519-88649-9

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2025
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2025

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ОТЪ ИЗДАТЕЛЬНИЦЫ.

Побужденіемъ предложить русскому обществу рядъ статей Михаила Никифоровича Каткова по учебной реформѣ было для меня съ одной стороны чувство благоговѣнія къ памяти покойнаго, съ другой — горячее желаніе блага просвѣщенію родной страны.

Софія Фишеръ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Недостаточно имѣть вдохновенныхъ
зодчихъ: нужно уметь сохранять ихъ
созиданія.

Какъ коротка у насъ память! Читая неосновательныя сужденія послѣдняго времени о гимназіяхъ, нельзя не видѣть повторенія того, что уже было высказываемо въ недалекомъ прошломъ по тому же предмету. Многіе пересуды нашихъ дней по гимназическому вопросу носятъ на себѣ явные слѣды полнаго незнакомства съ полемикой шестидесятихъ годовъ, когда вопросъ этотъ подвергался самому многостороннему обсужденію и въ обществѣ, и въ печати, и въ правительственныхъ учрежденіяхъ. Не мѣшало бы воспользоваться результатами этихъ обсужденій. Они обогатили нашу литературу однимъ изъ крупнѣйшихъ вкладовъ по педагогіи, запечатлѣвъ о которомъ по меньшей мѣрѣ легкомысленно.

Мы говоримъ о статьяхъ М. И. Каткова, разъяснявшихъ важнѣйшія черты среднеучебнаго дѣла.

Ими положено такое основаніе для рѣшенія возобновляемаго нынѣ въ печати и обществѣ гимназическаго вопроса, что его нельзя миновать никому, кто хочетъ добра нашей школѣ искренно. Считаться съ ними необходимо. Скажемъ болѣе: не считаться съ ними не честно.

Издавая нынѣ собраніе статей Каткова по учебной реформѣ отдѣльною книгою *), замѣтимъ, что статьи, его составляю-

*) Въ 1879 г. Катковъ сдѣлалъ самъ выборъ изъ важнѣйшихъ своихъ статей въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“ 1864 — 1871 г., посвященныхъ организаціи среднихъ школъ, и помѣстилъ ихъ въ 6-й книгѣ „Русскаго Вѣстника“ 1879 года.

ція, имѣють значеніе далеко не преходящее. Онѣ представляютъ ясный чертежъ нормальной средней школы, именуемой гимназіею, которою гордится весь образованный міръ. Но чертежъ этотъ — не есть копія съ плана какой-либо иноземной школы.

Чертежъ этотъ въ статьяхъ Каткова изображенъ съ необыкновенною отчетливостію; онѣ здѣсь словно вырѣзанъ на мѣди рукою великаго мастера. Безъ преувеличенія можно сказать, что и въ европейской педагогической литературѣ мы не найдемъ изложенія, равнаго по полнотѣ (при всей его краткости) и по основательности каждаго положенія и аргумента. Ясный русскій умъ автора этихъ статей умѣтилъ въ самый центральный узелъ сложной ткани школьнаго организма, и заглянулъ въ самую душу этой школы. Онѣ не загромоздилъ его подробностями, потому что зналъ, что подробности должны выработаться самою жизнію школы: но онѣ не уступилъ бы ни одной черты своего твердаго рисунка.

Прошло не мало лѣтъ послѣ заключительнаго слова Каткова по этому предмету, и не только ни одна черта его схемы не оказывается проведенною ошибочно, но учебная практика убѣдила, что замѣчаемыя несовершенства современной гимназіи происходятъ прежде всего вслѣдствіе отступленій отъ этого чертежа.

Вводя статьями своими обширный кругъ читателей въ пониманіе назначенія гимназіи и ея организаціи, Катковъ постоянно обезпечиваетъ должную высоту защищаемому имъ взгляду. На школу можно смотрѣть двояко: имѣть въ виду или цѣли нравственнаго свойства, или же цѣли житейскія, практическія, даже матеріальныя выгоды. Второго рода цѣли, имѣющія свою законность, бывали слишкомъ склонны заслонять въ глазахъ толпы нравственную цѣль всякій разъ, когда общественное вниманіе обращалось на судьбу нашей средней школы. Реформою 1849 и 1852 г. ¹⁾ были разрушены гимназіи, при всемъ ихъ несовершенствѣ, начертанныя все же въ виду соображеній этого нравственнаго свойства. Онѣ приучили въ свое время общество къ здоровому

¹⁾ См. ниже „Приложенія“ стр. 151.

взгляду на задачу школъ этого рода, такъ что посылая сыновей въ гимназіи, общество отвыкло спрашивать о непосредственной полезности древнихъ языковъ въ дальнѣйшей практической жизни этихъ сыновей. Очевидно, въ умы въ извѣстной степени было введено понятіе о необходимости этихъ языковъ для общаго образованія.

Россія достигла этого не легко и не вдругъ.

Начала такого здраваго взгляда, если не восходить къ первымъ временамъ христіанства на Руси, явились замѣтно съ возникновеніемъ училищъ юго-западной Руси въ XVI и XVII вѣкахъ, гдѣ преподавались „вызволенныя науки“ (*artes liberales*); въ дѣятельности представителей юго-западной аристократіи и церковныхъ братствъ; въ школъ, давшей начало московской славяно-греко-латинской академіи, и въ началѣ XVIII в. — въ Ростовской „грамматической школъ“ святителя Димитрія; въ новгородскихъ училищахъ, гдѣ подвизались братья Лихуды, прибывшіе туда изъ Москвы. Въ этихъ общесловныхъ въ тѣ времена школахъ обучались дѣти не одного духовнаго сословія: въ школъ св. Димитрія Ростовскаго — дѣти всѣхъ званій, „благородныя и неблагородныя“; въ Новгородской школъ „словеснѣйшіе учителя на кійждо день греческимъ, латинскимъ и словенскимъ письменомъ, безъ всякаго сокрытія, вседушно обучали наиболѣе способныхъ изъ разныхъ чиновъ дѣтей“, въ то время какъ „малостатейныя“ отводились въ другую, славянскую школу; въ началѣ вѣка свѣтская власть опредѣляла въ эти единственные классическія русскія школы для науки дворянскихъ недорослей. Привычка дворянства, искавшаго для дѣтей своихъ солиднаго образованія, посылать ихъ въ московскую славяно-латинскую школу, даже по открытіи цыфирныхъ школъ, была такъ велика, что Петръ Великій, нуждавшійся въ этой молодежи для военныхъ школъ, издалъ указъ штрафовать тѣхъ, кто послѣ указаннаго срока поступить въ нее, а когда и это не дѣйствовало, своевольно записывавшихся вѣрно былосылать въ галерную или каторжную работу.

Со столь рѣшительнымъ отдѣленіемъ свѣтскаго просвѣщенія отъ духовнаго, въ особенности послѣ учрежденія Св.

Синода, понятіе о необходимости нравственныхъ соображеній однакоже при организаціи свѣтскихъ школъ не погасло и основаніемъ московскаго университета закрѣплено въ общественномъ сознаніи навсегда. Но энциклопедическій характеръ второй половины XVIII-го вѣка, передавая у насъ свое наслѣдіе XIX-му, вмѣстѣ съ тѣмъ передалъ и слабое осуществленіе громко заявляемыхъ нравственныхъ соображеній въ сферѣ свѣтской средней школы. Съ учрежденіемъ министерствъ при Императорѣ Александрѣ I, въ самомъ началѣ этого вѣка, въ первомъ уставѣ нашихъ гимназій (1804 г.) эти соображенія едва сквозятъ чрезъ массу утилитарныхъ знаній, испещрившихъ ихъ учебный планъ: но уже уставомъ 1828 г. во имя ихъ признается въ принципѣ необходимость пераздѣльнаго преподаванія обоихъ древнихъ языковъ.

Итакъ узкимъ практически-житейскимъ соображеніямъ не было дано первенствующаго значанія и при развитіи нашихъ свѣтскихъ среднеучебныхъ заведеній. Образованная часть общества въ лицѣ многихъ поколѣній приучалась смотрѣть на задачи этихъ школъ съ нѣкоторой высоты, — какъ вдругъ онѣ были опровергнуты уставомъ 1849 г. и изгнаніемъ греческаго языка почти изъ всѣхъ гимназій въ 1852 г.

Этотъ уставъ дѣйствовалъ въ теченіе 15 лѣтъ. Насколько еще малочисленъ былъ тогда образованный слой нашего отечества, насколько была слаба и эта разрушенная уставомъ 1849 г. классическая школа, можно видѣть изъ того, что достаточно было 15-лѣтняго интервала, чтобы мысль о новомъ пересмотрѣ гимназическаго устава въ началѣ 60-хъ годовъ встрѣтила общее смятеніе умовъ.

Нужно было возвращать слабое общественное сознаніе къ тѣмъ соображеніямъ, которыя такъ или иначе влекли образованіе нашего отечества во времена Екатерины II, Александра I-го и большей половины царствованія Николая I. Къ счастью сѣмена добра, какъ бы они незначительны ни были, приносятъ плодъ, превышающій количество посѣва: среди смятенныхъ умовъ 60-хъ годовъ было достаточно людей, сумѣвшихъ стать на должную высоту, дабы исправить государственную бѣду: принципы выработаннаго въ началѣ

этихъ годовъ устава 1864 г. вновь обезпечивали Россіи возвращеніе на путь нравственныхъ соображеній при организаціи гимназій.

Катковъ зорко слѣдилъ за всякимъ проявленіемъ этого благорастворенія умственной атмосферы и стойко оберегалъ ее отъ всякихъ посягательствъ неразумія и недомыслія. Онъ усмотрѣлъ въ подробностяхъ проекта устава 1864 г. коренные недостатки, которые могли обратить все благо, даруемое этимъ уставомъ, въ ничто.

И вотъ онъ начинаетъ рядъ статей, въ которыхъ разъясняетъ сущность классической школы, понятіе о которой нашелъ въ обществѣ того времени затеряннымъ. Онъ опредѣляетъ эту школу, какъ такую, которая одна способна обезпечить обществу и государству необходимый контингентъ университетскихъ слушателей, могущихъ по окончаніи высшей школы стать на должную высоту во всѣхъ сферахъ, требующихъ людей умственно зрѣлыхъ, т. е. въ сферахъ научной, учебной, медицинской, судебной, административной и т. п. Катковъ называлъ эту среднюю школу, единственно способную доставлять слушателей для университетовъ, школою европейскою въ томъ смыслѣ, что она въ Западной Европѣ являлась издавна въ полной силѣ и надлежащемъ развитіи, безъ различія странъ и націй, которымъ служила и служить: но она могла быть, отчасти была и могла вполнѣ стать настолько же и русскою въ глазахъ всякаго, знакомаго съ исторіей русскаго просвѣщенія и церкви.

Когда Катковъ началъ свой рядъ статей, въ нашемъ обществѣ понятіе о классической школѣ было крайне неясное. Самые сторонники ея смутно понимали, въ чемъ заключается сущность ея организма. Ходячее мнѣніе было таково: классическая школа — та, въ которой преподаются классическія языки. О томъ, какое мѣсто этимъ предметамъ обученія должно быть дано въ ней относительно другихъ предметовъ — большинство не вѣдало. Держалось даже мнѣніе, что если въ школѣ преподается одинъ древній языкъ, то и такая школа все же классическая. Это отразилось и въ уставѣ 1864 г.,

VIII

гдѣ въ числѣ учреждавшихся школъ значились „классическія гимназіи съ однимъ древнимъ языкомъ“.

Послѣдовательная настойчивость, съ которою Катковъ развивалъ свои мысли о средней школѣ, вызывала порою искреннее недоумѣніе: почему съ такою неуклонностію проводить онъ идею о необходимости классической системы для гимназій? Каткову приходилось выслушивать подобныя недоумѣнія со стороны даже добросовѣстныхъ его читателей. Будучи захвачены врасплохъ надвинувшимся гимназическимъ вопросомъ, наскоро знакомясь съ нимъ изъ поверхностныхъ (а порою и злонамѣренныхъ) статей журналистики, преимущественно петербургской, читатели сразу не умѣли опредѣлить всю цѣну голоса московскаго публициста, имѣвшаго болѣе, чѣмъ кто-либо право стать впереди въ этомъ дѣлѣ. Имъ не было извѣстно, что эти легко читаемыя, общедоступныя строки московской газеты, изъ которыхъ они порою впервые знакомились съ гимназическимъ вопросомъ, были плодомъ многосторонняго изученія и выражали лишь крупнѣйшіе выводы того процесса, которымъ выработались въ умѣ ихъ автора. Ввести читателей сразу въ эту сложную область соображеній дидактическихъ, психологическихъ, историческихъ, государственныхъ, ввести ихъ и въ самый источникъ многихъ изъ этихъ соображеній—опытъ школьнаго дѣла вообще и учительскаго въ особенности — было бы совершенно неисполнимо въ краткихъ статьяхъ газеты. Катковъ считалъ возможнымъ и полезнымъ вводить читателей въ эту новую для нихъ область постепенно, приподнимая мало-по-малу завѣсу, скрывавшую ее отъ глазъ профановъ и дилеттантовъ въ педагогическомъ дѣлѣ. Статьи эти назначались не столько для того, чтобы разъяснить самый механизмъ педагогическаго дѣла (что предполагаетъ въ читателяхъ много предварительныхъ спеціальныхъ знаній), сколько дать возможность окинуть этотъ сложный механизмъ въ его цѣломъ, увидѣть благопріятные результаты его дѣйствія при нормальномъ ходѣ всѣхъ частей его и печальныя послѣдствія—при порчѣ этого механизма. Катковъ считалъ и такое ознакомленіе съ нимъ полезнымъ потому, что тѣхъ изъ читателей, которые желали вполне добросовѣстно отнестись

къ занимавшему всѣхъ дѣлу, и въ рѣшительную минуту честно подать голосъ за или противъ предлагаемой системы гимназическаго ученія, — это ознакомленіе по меньшей мѣрѣ воздерживало отъ легкомысленныхъ и случайныхъ рѣшительныхъ сужденій и дѣйствій, побуждало къ той спасительной осторожности, которая отличаетъ человѣка образованнаго при встрѣчѣ съ областію вѣдѣнія, ему мало знакомою.

Не легко было уяснить сущность правильной школы обществу, приученному къ школамъ, къ которымъ по всей справедливости приложима характеристика „чего - то безъ чести и безъ имени“, по удачному выраженію французскаго министра ¹⁾. Чтобы убѣдиться, что это было дѣйствительно такъ, достаточно припомнить, какъ понимали педагогическое дѣло исполнители его въ дореформенное время, т. е. въ 50-хъ годахъ. Въ 1852 году попечитель московскаго округа представляетъ министру народнаго просвѣщенія о единственной московской гимназіи (2-й), гдѣ было сохранено преподаваніе греческаго языка въ жалкомъ размѣрѣ 19-ти часовъ, соображеніе, что слѣдуетъ уменьшить это число часовъ вдвое! Въ самыхъ планахъ гимназіи, гдѣ сохраненъ былъ греческій языкъ, онъ стоялъ внѣ „общихъ предметовъ“ и вмѣстѣ съ латинскимъ языкомъ фигурировалъ въ графѣ „предметовъ спеціальныхъ“ (см. Распредѣленіе уроковъ въ московской 2-й гимназіи при 122 ст. распоряженій министерства за 1852 г. отъ сент. 14); въ таблицѣ, утвержденной министерствомъ 21 октября 1853 г. для 1-й Казанской гимназіи, въ числѣ „спеціальныхъ предметовъ“ видимъ греческій языкъ на ряду съ арабскимъ, персидскимъ, турецкимъ, монгольскимъ и манжурскимъ, причемъ латинскому языку отведено почетное мѣсто въ предметахъ общихъ со II-го класса; въ таблицѣ, утвержденной того же числа для Оренбургской гимназіи, въ числѣ „предметовъ общихъ“ находимъ языкъ татарскій, а латинскій языкъ помѣщенъ въ отдѣлѣ „предметовъ спеціальныхъ“. Итти дальше въ непониманіи педагогическаго дѣла было уже некуда.

¹⁾ См. ниже стр. 4.

И при такомъ-то положеніи вещей Каткову пришлось высказать свой просвѣщенный голосъ; и такому-то обществу надлежало уяснить сущность школы, въ которой назрѣла настоящая нужда и отсутствіе которой начинало себя заявлять самыми печальными фактами.

Вскорѣ отечество наше вступило на путь реформъ, требовавшихъ такого числа основательно образованныхъ людей, какого на лицо не оказывалось. Катковъ увидѣлъ тогда же, что если и найдется достаточное число исключительно одаренныхъ умомъ для начертанія этихъ реформъ, то въ самомъ ближайшемъ будущемъ, при осуществленіи этихъ начертаній на дѣлѣ, Россія встрѣтится съ неодолимыми препятствіями вслѣдствіе недостатка ихъ исполнителей по всѣмъ рядамъ арміи гражданскихъ дѣятелей, въ сферѣ государственной и общественной. Для удовлетворенія настоящей нужды тогда шире открылись двери университетовъ. Но Катковъ видѣлъ, что въ области педагогической этотъ путь, начинающій сверху, можетъ повести только къ количественному усиленію рядовъ нужныхъ дѣятелей. Уже явились фактическія доказательства опаснаго для самаго дѣла реформъ состоянія умовъ, нахватавшихся кое-какихъ знаній и не привыкшихъ самостоятельно разбираться въ нихъ, поддававшихся вліянію журнальных партій и бравшихъ на вѣру самыя крайнія доктрины, если онѣ были только увлекательно выражаемы. Катковъ съ болью сердца видѣлъ, какъ искажаютъ новое дѣло обновленія государственнаго и общественнаго организма. Кто помнитъ это время всеобщихъ ожиданій и оживленія, хорошо пойметъ теперь всю горечь, накинавшую въ душѣ прозорливаго публициста. Правильная организація школы, подготовляющей къ университету, представала его уму во всемъ своемъ роковомъ значеніи. На него набросились за это недовѣріе къ существующему состоянію умовъ. Онъ стоялъ твердо на своемъ, хотя въ обширныхъ слояхъ многочисленной посредственности его краснорѣчивое слово не встрѣчало вниманія, какъ рѣчи Кассандры.

Твердо убѣжденный, что дѣло „оздоровленія умовъ“, какъ называлъ Катковъ потребность того времени, должно пачи-